

О. Л. Фетисенко

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ И ПЕТЕРБУРГ

Резюме

В статье прослежены все эпизоды биографии писателя и мыслителя К. Н. Леонтьева (1831–1891), связанные с Петербургом, — от детских посещений и домашних преданий до встреч с выдающимися государственными и общественными деятелями. Сообщаются основные адреса его проживания в Северной Пальмире. Другая тема исследования — репрезентация образа имперской столицы в творчестве Леонтьева, как художественном, так и публицистическом.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, биография, Петербург в творчестве К. Н. Леонтьева, петербургские адреса

Olga L. Fetisenko

KONSTANTIN LEONTIEV AND SAINT PETERSBURG

Abstract

The purpose of this article is to identify and trace all encounters of the writer and philosopher Konstantin Nikolaevich Leontiev (1831–1891) with St. Petersburg. This study examines Leontiev's early visits to the city, family legends about St. Petersburg that he heard in his childhood, and his meetings with outstanding government officials and public figures in subsequent years. The article also lists every one of Leontiev's residential addresses in St. Petersburg and studies the representation of the image of the capital of the Russian Empire in Leontiev's works.

Keywords: Konstantin Nikolaevich Leontiev, biography, St. Petersburg in Leontiev's works, St. Petersburg addresses

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-43-64

«Русский византиец», «славянофил на свой салтык» Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891), на первый взгляд, мало связан с имперской столицей¹. Долше всего он жил здесь в начале 1860-х гг., причем это время оказалось для него кризисным: он тогда преодолевал свое раннее увлечение либерализмом². В Петербурге он увидел нигилизм вблизи и ужаснулся его «антиэстетическим» перспективам. Образно говоря, его внутреннему взору словно предстали будущие новостройки. Беседуя с сотрудником «Современника» И. А. Пиотровским, Леонтьев завел разговор о социалистическом идеале будущего, неприемлемом для него: «...чтобы во всем мире все люди жили всё в одинаковых маленьких, чистых и удобных домиках». Получив ответ: «Чего же лучше?!» — он воскликнул: «Ну так я *не ваш отныне!* Если к такой ужасной прозе должны привести демократические движения, то я утрачиваю последние симпатии свои к демократии. Отныне я ей враг!» [Александров, с. 170—171]. Дело происходило у Аничкова моста.

«Налево стоял дом Белосельских, розоватого цвета (с какими-то, помню, сероватыми или бледно-оливковыми украшениями), с большими окнами, с огромными кариатидами; за ним по набережной Фонтанки видно было Троицкое подворье, выкрашенное темно-коричневой краской, с золотым куполом над церковью, а направо на самой Фонтанке стояли садки рыбные, с их желтыми домиками, и видны были рыбаки в красных рубашках. Я указал Пиотровскому на эти садки, на дом Белосельских и на подворье, — и сказал ему:

— Вот вам живая иллюстрация. Подворье во вкусе византийском — это церковь, религия; дом Белосельских вроде какого-то „рококо“ — это знать, аристократия; желтые садки и красные рубашки — это живописность простонародного быта. Как это все прекрасно и осмысленно! И все это надо уничтожить и сравнять для того, чтобы везде были всё маленькие, одинаковые домики или вот такие многоэтажные, буржуазные казармы, которых так много на Невском!

— Как вы любите картины! — воскликнул Пиотровский.

— Картины в жизни, — возразил я, — не просто картины для удовольствия зрителя; они суть выражение какого-то внутреннего высокого закона жизни, — такого же нерушимого, как и все другие законы природы...» [Александров, с. 171].

¹ Может быть, поэтому никто из исследователей не заинтересовался петербургской темой в его жизни и творчестве. Для сравнения: о калужском Кудинове, где он родился, и вообще о «топосе дворянской усадьбы» в связи с его художественным творчеством написано несколько работ. См., например: [Берговская; Захарова; Зинченко; Буряченко].

² Об этом периоде его жизни см.: [Хатунцев, с. 79—115].

Несколько раз Леонтьев приезжал в столицу устраивать свои дела, не отвергал возможности поселиться здесь, если бы пришлось стать редактором большой консервативной газеты, но каждый раз, когда планы рушились, он радовался, что возвращается к более привычному образу жизни в провинции.

Начать, однако, нужно с предыстории. Петербург будущий писатель узнавал сперва через рассказы матери, Федосьи Петровны Леонтьевой (урожд. Карабановой; 1794–1871), о Екатерининском институте, где она училась, о выпускном экзамене, на котором присутствовала вдовствующая императрица, о предложении стать фрейлиной великой княгини Анны Павловны (впоследствии королевы Нидерландов), о доме фельдмаршала М. И. Кутузова, где останавливались, приезжая в столицу, родители³, о поэте и министре И. И. Дмитриеве, секретарем которого некоторое время был ее брат (дядя Леонтьева, В. П. Карабанов). Рассказы о представлениях Марии Федоровне и другим членам императорской фамилии преимущественно были связаны с Калугой и Москвой, но образ Николая I не мог не ассоциироваться именно с имперской столицей. Через рассказы матери Леонтьев соприкасался и с культурой XVIII столетия. Ей в альбом писал стихи граф Д. И. Хвостов, а поэт П. М. Карабанов приходился ей дядей, хотя биографы нашего времени и смешивают его с ее отцом, младшим единокровным братом и полным тезкой петербуржца⁴.

Константин Николаевич вспоминал о матери:

«Она до конца жизни любила свой *прежний* Петербург, тот Петербург, который любим был и Пушкиным и которого дорогие ей черты она умела находить и в новом Петербурге, теперь столь омерзительном.

Провести несколько зимних месяцев на берегах Невы, в самой скромной комнате, бывать одной-одинешенькой в театре, посещать изредка немногих из постаревших, подобно ей, знакомых высшего круга, стало под старость для нее необходимой потребностью» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 573–574].

Здесь не случайно говорится о пушкинском Петербурге: у Федосьи Петровны, которая была старше поэта всего на пять лет, имелись с Пушкиным общие знакомые. Прежде всего, это дочери Кутузова — Елизавета

³ Современный адрес: наб. Кутузова, д. 30. Ф. П. Леонтьева вспоминала: «Мы квартировали в доме г-жи Кутузовой, супруги незабвенного фельдмаршала. Г-жа Кут(узова) любила очень родителей моих, она уговорила их занять верхний, или третий, этаж, который был пустой. В нем было 8 комнат. (...) Отец мой был знаком на приятельской ноге с зятьями г-жи Кут(узовой) и с прочими любимцами В(еликого) К(нязя) К(онстантина) П(авловича). Его Высочество знал моего отца лично и был милостиво расположен к нему» [Архив Леонтьева, с. 229, 231]. В 1812 г. этот дом принадлежал дочери Кутузова, Д. М. Опочининой. Отсюда полководец выехал в действующую армию.

⁴ См. об этом биографическом казусе: [Архив Леонтьева, с. 12–14].

Михайловна (1783—1839) и Анна Михайловна (1784—1846) Хитрово. Можно сказать, что и Леонтьев застал пушкинский Петербург. В петербургских учебных заведениях — Инженерном училище и Екатерининском институте — учились его брат и сестра⁵, и мать несколько раз брала младшего сына с собой, когда ездила навещать их. «Несколько раз мы с матерью ездили на зиму в Петербург, сперва чтобы видеть сестру в Екатерининском институте и старших братьев в корпусах, потом чтобы взять сестру из института, когда она окончила курс; потом ездили уже с сестрой вместе туда» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 799]. В романе «Подлипки» (1861), целиком построенном на личном опыте автора, отразились впечатления дороги (езда на долгих⁶) и некоторые образы Петербурга — естественно, те, что могли запомниться маленькому ребенку, например цирк, где он «видел Турньера» [Леонтьев, т. 1, с. 396]⁷. Пушкинский Петербург должен был стать местом действия в романе «Заря и полдень» из цикла «Река времен».

Детские приезды в Петербург отражены не только в «Подлипках», но и в незавершенном позднем очерке «Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе» (1889). Здесь, к примеру, есть описание церкви Института слепых, вернее, примыкающей к ней комнаты, потому что самой церкви, признается автор, он «даже ни разу и не видел» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 799]⁸.

«Мы проходили через какое-то внутреннее крыльцо и по особой лестнице в просторную комнату с паркетным полом, из которой была боковая дверь в церковь. Богослужения видно не было из нее, но возгласы и пение были очень хорошо слышны. Через эту комнату проводили к началу обедни в церковь и самих слепых по два в ряд, в длинных сюртуках. (...) я даже раз или два отпрашивался у матери туда и без нее ко всенощной. (Мне было тогда уже 11—12 лет.) В этой зале или большой комнате с паркетным полом было очень чисто, светло и просторно; общество молящихся было избранное в том смысле, что (...) в эту боковую залу (...) можно было

⁵ Старшие братья учились в Пажеском корпусе, но кончил курс только один из них. Дети Ф. П. Леонтьевой учились на казенный счет.

⁶ «...Мы раза два совершали (...) полуволшебное путешествие в далекий Петербург» [Леонтьев, т. 1, с. 391] (см. далее описание дорожных впечатлений). Ср. в воспоминаниях Ф. П. Леонтьевой о другой ее поездке: «Путешествие мое было продолжительно; я ехала на долгих, частью из экономии, частью для своего покоя» [Архив Леонтьева, с. 302].

⁷ Имеется в виду труппа конных акробатов Л. и Ф. Турньеров, гастролировавшая в Новом театре на Фонтанке (на месте будущего цирка Чинизелли) с ноября 1837 до марта 1838 г.

⁸ Институт слепых, учрежденный в 1807 г., с 1819 г. находился в ведении Императорского Человеколюбивого общества, с 1821 г. размещался на Литейном проспекте (современный адрес: д. 31), пока на этом месте в 1877 г. по проекту Ф. С. Харламова не был возведен доходный дом. Церковь во имя Спаса, исцелившего слепца, освящена в 1823 г. Леонтьев бывал здесь в 1842—1843 гг.

входить только по знакомству или рекомендации. Тогда швейцар впускал» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 799—800].

В очерке «Рассказ моей матери об Императрице Марии Федоровне» Леонтьев вспоминает еще один петербургский адрес — «небольшую квартиру» А. М. Хитрово «около Михайловского дворца», где «было все так хорошо, так красиво, так душисто, — по этажеркам, на камине и везде было столько дорогих и хорошеньких вещиц...» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 566].

Заметим, что в отрочестве Леонтьев видел столицу одновременно с тем, с кем он будет потом так горячо спорить, — с Ф. М. Достоевским, который в это время учился в Инженерном училище. С осени 1842 г. Леонтьев готовится к поступлению в Дворянский полк, живет в благородном пансионе Самойловича [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 28]. В Дворянском полку он проучится только один учебный год (1843—1844)⁹, но через 10 лет — в день сдачи Керчи, 12 мая 1854 г., — узнает на улице покидаемого всеми города своего однокашника, князя Хамзаева [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 645].

Молодым самоуверенным литератором Леонтьев (в то время студент Московского университета, а в литературе протезе И. С. Тургенева) посещает столицу в начале 1850-х гг. Тогда для него это прежде всего город журналов. Здесь редакция «Современника», статьи которого он конспектировал еще в гимназические годы; здесь А. А. Краевский с «Отечественными записками», где Леонтьев будет печататься до 1867 г.¹⁰; здесь «Библиотека для чтения», в 1859 г. напечатавшая отредактированную Тургеневым повесть «Второй брак».

Отдельный сюжет составляют попытки обосноваться в столице. «...Я долго жил, слава Богу, вдалеке от столиц», — написал Леонтьев в 1869 г. [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 9]. Как ни доказывал в 1891 г. философ, прочитавший в рукописи начало статьи о нем В. В. Розанова, что «в „центры“ высшей политич(еской) деятельности „не рвался“» [Леонтьев, т. 12, кн. 3, с. 164], —

⁹ Леонтьев в форме кадета запечатлен на акварели К. С. Осокина, датированной 4 февраля 1844 г. [Летопись, с. 44]; изображение см.: [Букреева, Фетисенко 2020, вкл., ил. 2]. Дворянский полк был создан в 1807 г. при 2-м Кадетском корпусе как Волонтерский корпус, позднее был преобразован в Константиновское артиллерийское училище. Современный адрес: Московский пр., д. 17.

¹⁰ «...У Краевского в доме хорошо, на банкирский, буржуазный манер, на среднепетербургский, но все свежо, очень чисто, просторно и не без вкуса...» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 82]. Дом на Литейном (д. 36), построенный в 1781–1782 гг., Краевский приобрел в 1838 г. В 1863 г. здесь разместится и редакция издаваемой им газеты «Голос», одним из главных сотрудников которой станет брат Леонтьева Владимир Николаевич (см.: [Фетисенко 2020а]). В 1863 г. в «Голосе» будет напечатана программная статья Леонтьева «Наше общество и наша изящная литература». На статьи газеты Краевского Леонтьев позднее неоднократно откликнулся. Здесь был помещен и ряд откликов на его произведения.

это не совсем так. В начале царствования Александра II, после окончания Восточной войны, когда Леонтьеву удалось оставить службу военного медика, он пытался найти работу в Москве. Судьба подарила ему иное — два года жизни на приволье в Нижегородской губернии, домашним врачом в имении барона Д. Г. Розена Спасское (составить представление об этом лучше всего по роману «В своем краю», опубликованному в 1864 г.). Но скоро ему там стало тесно. Именно «центр» и манил — как *центр реформ*. Леонтьеву явно хотелось если не прямо *поучаствовать* в процессе обновления, то, по крайней мере, самому наблюдать его. К тому же находиться в столице было нужно и для литературных дел. С 1855 г. по рекомендации Тургенева они велись в основном с Краевским. Впрочем, мечталось ему о большем. Так, героя романа «В своем краю», Милькеева, он отправляет к Гарибальди, и когда по сюжету это еще только планируется, происходит следующий диалог:

« — (...) Да зачем в Италию! Ты бы поехал лучше знаешь куда!

— Куда? Уж не в Петербург ли? (...) Знаешь ли, что такое Петербург?.. Гуляли мы с Рудневым и детьми в цветнике... (...) Руднев поднял большой камень, около меня, чтобы показать детям разных насекомых. Я посмотрел туда — сырость, грязь, какие-то черви и вроде мокриц ползают... (...) Италия, это — цветник, а Петербург, это — место, где ползают мокрицы» [Леонтьев, т. 2, с. 267].

В конце 1860 г. Леонтьев приезжает в столицу и останавливается у брата, Владимира Николаевича (1818—1873), снимавшего квартиру в Коломне, в доме Тарасова. По-видимому, речь идет о доме почетного гражданина Николая Степановича Тарасова, адрес которого Екатерингофский проспект, д. 142¹¹. Об этом доме вспомнит Леонтьев в конце жизни, смешав названия Екатерининского канала и Екатерингофского проспекта (часть которого сливается с набережной канала), когда напишет в незавершенном автобиографическом романе «Подруги» (1889—1890): «Они жили всё в Петербурге. (...) не было ни крайней нужды, ни большого достатка. — Скучная квартира, где-то на Екатерингофском канале; — лестница мрачная; — почему-то на ней были всегда кошки; кошки худые, дикие, робкие» [Леонтьев, т. 5, с. 504—505]. Мать героини этого романа всегда «лежала на диване за зеленой занавесью в той угловой комнате, где всегда так трогательно и мило горела лампада перед золотой иконой...» [Там же, с. 504]. Ср. в тоже неоконченном романе «От осени до осени» о квартире Дмитрия Львова: «Там было мрачнее (...) почти не бывало гостей; квартира была тесна; жена Дмитрия язвительна и сухо-богомольна; слышалось в воздухе зловонье семейных, тщательно

¹¹ Дом не сохранился; можно лишь предположить, что находился он в самом конце проспекта.

скрываемых раздоров» [Там же, с. 55]. В доме Тарасова писатель застаёт «эмансипацию», студенческие волнения и знаменитые пожары.

Как выглядел Леонтьев, появившись в Петербурге под новый, 1861-й год, мы можем представить, доверившись описанию в романе «Подруги», подтверждаемому известным портретом, снятым, как теперь выяснилось, двумя годами позже [Букреева, Фетисенко 2020, с. 84—86]. Героиня романа Соня, прототипом которой была племянница Леонтьева Маша, Марья Владимировна, встречает своего двоюродного брата: «Под самый Новый год, отца не было дома. — Звонок; — она сама отворила дверь. — И вот он — с мороза румяный, молоденький... (...) в куньей боярке; в черной дорогой дубленке и меховых высоких сапогах... От него пахнет кожей и духами» [Леонтьев, т. 5, с. 512].

Весной Леонтьев уезжает в Кудиново, а летом — внезапно — в Крым, где 19 июля женится на своей бывшей любовнице гречанке Лизе Политовой, а осенью один возвращается в Петербург.

В том же 1861 г., когда обстоятельства поправились, В. Н. Леонтьев снял новую квартиру — в доме В. В. Оржевского (директора Департамента полиции) на Литейном (д. 45, на углу Симеоновской ул., ныне ул. Белинского)¹². Константин Николаевич снова жил у брата, с весны 1862 г. до начала зимы пробыл в Кудинове, вернувшись в Петербург под Новый год. В это время он отделяется от семьи брата. Примечательно, что весной 1863 г. Леонтьев жил в меблированных комнатах в том же доме, где и Ап. А. Григорьев, — доме Фридерикса на Лиговском канале (ныне Лиговский пр., 10, дом вошел в комплекс зданий гостиницы «Октябрьская»).

Мы мало знаем об этом периоде жизни Леонтьева, потому что он сделал все возможное, чтобы стереть тяжелое «безвременье» даже из собственной памяти. Вышло так, что и писем от этого периода почти не сохранилось. Два письма И. С. Аксакову, одно — Н. Н. Страхову, письмо П. М. Ковалевскому (от 31 января 1863 г. — обращение в фонд помощи нуждающимся литераторам за денежным пособием «рублей 100 сер(ебром)» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 235]). В записке «Хронология моей жизни» Леонтьев обозначит это время двумя словами: «Нигилизм; нужда» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 30].

Вспомнить о некоторых обстоятельствах петербургской жизни он решился через 20 лет, летом 1883 г., когда на подмосковной даче начал воспоминания о своем бывшем начальнике Н. П. Игнатеве. Там нужно было рассказать

¹² Ср.: «Мой адрес. — На Литейной в доме Оржевского (на углу Симеоновского пер.)» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 234]. Оржевскому принадлежал и находящийся неподалеку (через два дома от Симеоновского пер.) дом на Моховой, 42, в начале 1860-х гг. известный как «дом Павлова». Примечательно, что в романе «От осени до осени» Андрей Львов и его жена (их прототипы — супруги К. Н. и Е. П. Леонтьевы) живут в доме «друга и брата» Павлова [Леонтьев, т. 5, с. 54].

о том, что же, собственно, привело его к порогу Азиатского департамента МИДа. Как теперь выясняется, — не только любовь к восточной экзотике или жажда действия¹³, а еще и элементарная нужда. Но в своем очерке Леонтьев говорит все же не о бедности, а о перемене убеждений.

О том, что Леонтьеву жилось трудно не только в материальном отношении, мы знаем, так сказать, по плодам — по той эстетической ненависти к литературному, журнальному быту, к «честным труженикам», «интеллигентным пролетариям», с которыми пришлось тесно соприкасаться именно в эти годы. Ср. в воспоминаниях о Тургеневе: «презираемая мною серая и душная жизнь столичных редакций» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 67]. Это чувство, распространявшееся не только на несчастных «честных тружеников», но и на вполне успешных дельцов от литературы и политики, пробивается и в беллетристику (романы «Две избранницы», «Подруги»). Соня в «Подругах» восклицает: «Пожила бы ты, как я, года целые между разными противными литер(аторами) в Петерб(урге) (...) они почти все так противны... Пожила бы ты и послушала бы этих тамошних речей...» [Леонтьев, т. 5, с. 554]. Уже в романе «В своем краю» появляется образ героя, удачно вошедшего в либеральный петербургский круг, — бывшего семинариста Богоявленского. «...Он сохранил себя для всемирной отчизны своей. Он пишет в Петербурге больно злые статьи отрицательного направления; женился на купчихе; взял за ней хорошее приданое, оправдывая себя тем, что „при современном ужасном состоянии общества надо быть обеспеченным, чтобы приносить пользу людям“...» [Леонтьев, т. 2, с. 321].

Чтобы обратиться за помощью в будущий Литфонд, Леонтьеву нужно было очень многое преодолеть. Ведь это обращение приравнивало его к «какому-нибудь вообще *Успенскому*» (выражение из записки «Моя литературная судьба» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 118]).

Очень мало известно о том, с кем общался Леонтьев в те годы. Прежде всего он столкнулся с кругом знакомых его брата Владимира. Бывший офицер, тот стал в годы реформ либеральным журналистом, ведущим сотрудником в изданиях, редактируемых или предпринимаемых его другом, тоже в прошлом офицером Главного штаба, полковником Н. Г. Писаревским (1821–1895)¹⁴. «...Обстоятельства сложились так, — вспоминал в 1883 г. младший Леонтьев, — что мне около 2-х лет в П(етер)бурге пришлось вращаться в обществе второстепенных редакторов, плохих и озлобленных фельетонистов, вовсе

¹³ Ср. в романе «Две избранницы»: «Жизнь в Петербурге уже начинала мне надоедать, и у меня снова явилась потребность сильных ощущений...» [Леонтьев, т. 5, с. 131].

¹⁴ Об одной из этих газет (с упоминаниями о В. Н. Леонтьеве) см.: [Рейфман].

не знаменитых докторов и т. п.; к тому же (...) все эти люди принадлежали более или менее к тому демократическому направлению, к(ото)рое я прежде, в юности, так любил и от к(ото)рого именно тут, в Пет(ер)бурге, стал все более и более отступаться...» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 400]. Об этой же компании говорится в апологетических «Афонских письмах», по замыслу обращенных к племяннице: «...Надо вспомнить, кем и чем ты была окружена с детства; — ты была окружена газетами, в которых близкие тебе люди принимали участие...» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 169]. К этому же кругу принадлежали и те, о ком говорится в романе «Две избранницы» (первоначальное название — «Генерал Матвеев»), — военные, которые стыдятся того, что они военные. «Самый этот мундир для них самих был как будто необходимым злом. На лицах их написано было, в разговорах их слышалось, что они готовы были оплакивать свою судьбу, готовы были извиняться перед штатскими и, если нужно, даже воскликнуть: „О! Умоляю вас, не думайте того, что вы думаете. Вникните в меня и вы увидите, как вы ошиблись!“» [Леонтьев, т. 5, с. 84].

Надо сказать, что встречи в доме Писаревского могли быть самыми неожиданными. Это не только разночинный люд газетных сотрудников или либеральничавшие полковники. Упомянув в одном из поздних писем Д. И. Менделеева, Леонтьев заметил, что встречался с ним у Писаревского, и молодой химик ему уже тогда не приглянулся, поскольку с презрением отзывался о Байроне¹⁵.

С тургеневским кругом, с которым Леонтьев познакомился еще в 1850-х гг. (в частности, с А. В. Дружининым), в это время происходит разрыв. После 1860 г. обрывается и переписка с самим Тургеневым (до последнего холодного письма 1876 г.) Таинственной остается роль В. П. Боткина в этом разрыве. Смутные намеки на неприятное общение с Дружининым [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 740], вероятно, относятся к 1859 г. Из петербургских знакомых прошлого десятилетия, пожалуй, остаются только С. С. Дудышкин и П. В. Анненков. С последним Леонтьев, тогда консул, будет встречаться и приехав в Петербург в отпуск осенью 1868 г.

Близкий и приятный круг общения Леонтьев нашел в семье своего тезки, историка К. Н. Бестужева-Рюмина. С этой семьей дружили «три сестры» Майковы, дочери артиллерийского генерала М. А. Майкова, Софья, Ольга и Наталия, двоюродными братьями которым приходились поэт А. Н. Майков и «московский Майков» — Аполлон Александрович, будущий редактор журнала «Беседа». Соня Майкова стала (вместе с Машей Леонтьевой) прототипом Сони Киселевой из «Двух избранниц».

¹⁵ См.: [Леонтьев, т. 12, кн. 3, с. 20]. См. также: [Фетисенко 2022].

Приятельствовал тогда Леонтьев с Вс. В. Крестовским, со скульптором И. Н. Шрёдером (родным братом жены В. Н. Леонтьева Марии Николаевны). Рад был он знакомству с Ап. Григорьевым, но оно было недолгим, менее полугода.

Тогда же Леонтьев познакомился со Страховым и Достоевским. Но петербургская жизнь последнего служила для него скорее отталкивающим примером (прежде всего необходимостью работы к сроку): «Такая жизнь, как жизнь Достоевского (кроме его Каторги), мне тогда была ненавистна» — это поздняя (1890 г.) вставка в воспоминания о Тургеневе [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 44]. Леонтьев зачеркнул в ней два очень важных слова: «и теперь» [Там же, кн. 2, с. 169].

Между тем сам Леонтьев занимался в это время нелюбимым делом — литературной поденщиной: переводил и компилировал статьи для популярных естественно-научных изданий товарищества «Общественная польза»¹⁶, выявить которые практически не представляется возможным. С этим товариществом его свел входивший в дирекцию «Общественной пользы» Писаревский. Для его газеты (Писаревский и В. Н. Леонтьев тогда арендовали издание «Русский инвалид») Леонтьев тоже работал. «Занятия у Писаревского» — называет он это в «Хронологии моей жизни» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 30]. Один из его переводов-компиляций мне в свое время удалось найти и атрибутировать. Это статья «Мнение Дж. Ст. Милля о личности» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 7–48], та самая «пропавшая» статья Леонтьева о Милле, которую тщетно искали исследователи на протяжении десятилетий, поскольку место ее публикации забыл сам автор (см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 20]).

Оригинальное творчество этих петербургских лет: несколько литературно-критических статей, в которых уже изложена программа, коей Леонтьев останется верен до конца жизни¹⁷. Попытался он предложить свое перо журналу «Время» (см.: [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 236]), но тот как раз тогда был запрещен после статьи Страхова «Роковой вопрос».

В 1863 г. начинается другая история. Леонтьеву предстоит соприкоснуться с Петербургом бюрократическим — с миром Канцелярии. Правда, бумаги, переписываемые им, были не тривиального содержания, ведь его «канцелярия» находилась в Азиатском департаменте МИДа. Пробыл Леонтьев здесь всего несколько месяцев, «завистливо сокращая чужие донесения и думая: „Есть же такие счастливицы, которые ездят с вооруженными арнаурами по

¹⁶ Единственным хорошим моментом в этом было «географическое» обстоятельство: товарищество арендовало Запасной дворец великого князя Михаила Николаевича (наб. Мойки, д. 5).

¹⁷ Об эстетической концепции Леонтьева см.: [Котельников, с. 99–221].

горам!..“» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 119], сдал экзамен и получил первое назначение — секретарем в консульство на Крите. Теперь почти на целое десятилетие Петербург для него — это департамент на Дворцовой площади, куда он адресует свои донесения, это кабинет князя А. М. Горчакова, откуда рассылаются циркуляры, где подписываются и приказы о награждениях орденами, которыми Леонтьев так гордился. Он выслужил три ордена (Св. Анны 2-й и 3-й степени и Св. Станислава 2-й степени). У Леонтьева, следует заметить, никогда не было ненависти к бюрократии, как, например, у славянофилов. Когда он (устаами своих героев) назвал Петербург раковой опухолью¹⁸, он, конечно, не бюрократию (или, по меньшей мере, не только ее) имел в виду.

Окрыленным приезжает он через пять лет в отпуск, который длится три месяца. Благодаря М. В. Леонтьевой известна даже точная дата его приезда — 10 октября 1868 г. [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 94]. Петербург теперь для него уже не чужой и не враждебный. В романе «Две избранницы» эта перемена описана так: «Вставая поутру, он взглядывал в окно — и уже ничто ему не было чуждо в столице... Столица эта, которую он так не любил, начинала улыбаться ему кротко или весело, как улыбался ему когда-то Царьград и крымский домик бедного предместья» [Леонтьев, т. 5, с. 157].

И круг знакомств несколько обновился. Теперь это не только литераторы, журналисты и военные, которые стыдятся своих погон. Леонтьев, как и его герой Матвеев, находится уже около высших сфер. Ему протезирует И. П. Новиков не без влияния супруги, О. А. Новиковой (впоследствии знаменитой в Британии как «депутат от России»), с которой у Леонтьева начался роман. Этот мотив также использован в романе «Две избранницы».

«Хороший дом, подъезд красивый, зелень и цветы на окнах широкой светлой лестницы, по ступеням которой было постлано серое, крепкое сукно с голубой каймою; душистый воздух веселых и разубранных комнат; очень умная беседа; прекрасное контральто; манеры герцогини и свежесть щек и стана, как у прежней московской купчихи; совершенно русское лицо и хорошее воспитание с несколько английским оттенком...

Муж — важный сановник; во фраке со звездами...» [Леонтьев, т. 5, с. 75].

Леонтьеву известно о том, что сам князь Горчаков ему благоволит. Дела устраиваются. Литературные переговоры с редакцией почвеннического

¹⁸ Сравнение сделано опосредованно. Герой-рассказчик повести «Хризо» (1867), критский грек, получивший образование в России, говорит об административном центре острова: «Канея, это наш критский Петербург», а затем ссылается на мнение своего друга, русского немца Розенцвейга, секретаря консульства (ему Леонтьев придал свои черты и воззрения): «...наш Петербург, „рак Крита“, по Розенцвейгу». Из этого следует, что Петербург — «рак России». И далее поясняется, что этот рак съедает «национальную физиономию», это «рак европеизма» [Леонтьев, т. 3, с. 31, 81].

журнала «Заря» тоже многообещающе по результатам (по отъезде на новое место службы все окажется иначе, иллюзорность петербургского литературного успеха обнаружится уже летом 1869 г.).

Останавливается Леонтьев в этот приезд, как всегда, у брата, который живет теперь на 4-й Рождественской улице, в д. 1. Это место должно было прийти ему по душе. 1 сентября 1868 г. М. В. Леонтьева сообщала в письме к дяде о новом доме:

«...Живем мы на Лиговке, близ Итальянской, наискось от греческой церкви, вид из окон (мы в третьем этаже) — прелестный и главное на Петербург не похоже: греческая церковь¹⁹, пруд, лужок, зелень; даже, когда ветер, слышно, как деревья шумят. Квартира хорошая (<...> все комнаты высокие (<...> Только лестница и плоха» [Летопись, с. 341]²⁰.

Но лужок Леонтьев будет видеть лишь под снегом. Несмотря на то что отпуск пришелся на позднюю осень — зиму, он уезжал на дачу брата в Царское Село, чтобы продолжать писать романы, что в городе было из-за суеты постоянных встреч-визитов невозможно. Вместе с влюбленной в него племянницей он бывал в театрах, и в частности — на ее дебюте в театре основанного в 1865 г. Художественного клуба в зале Руадзе в Троицком переулке (сей-

¹⁹ Важная деталь для грекофила Леонтьева. Греческая церковь во имя св. Димитрия Солунского была построена в 1861–1864 гг. по проекту Р. И. Кузьмина на средства Д. Г. Бернардаки, князя А. Д. Мурузи и др. на бывшей летней Конной площади. Храм в византийском стиле, который называли маленьким подобием константинопольской Св. Софии, был освящен в 1865 г. Богослужение здесь совершалось на греческом и церковнославянском языках. О внутреннем убранстве и истории храма см.: [Петров; Антонов, Кобак, с. 175–177]. В 1866 г. настоятелем церкви стал высокообразованный архимандрит Неофит (Пагида; 1835–1892). Вскоре с ним познакомилась приехавшая в Петербург жена Леонтьева, священник был рад говорить с ней на родном языке [Летопись, с. 284]. Храм был закрыт в 1938 г. и снесен в 1964 г. Напротив церкви, в доме А. П. Струбинского, построенном в 1863 г. (д. 6 по Греческому пр. и 6 по 5-й Рождественской ул.), в 1875–1878 гг. жил Достоевский. Это его предпоследний петербургский адрес. Говоря об окрестностях, следует также отметить, что как раз во время пребывания Леонтьева здесь возводилась больница принца П. Г. Ольденбургского (1867–1869), ныне это больница им. К. А. Раухфуса. Ее отделка завершена в 1870 г. Вспомнить об этом уместно потому, что архитектором здания был Ц. А. Кавос, с которым Леонтьев мог быть знаком в годы работы в «Общественной пользе» (Кавос состоял в правлении товарищества).

²⁰ Чтобы представить, как выглядели окрестности, можно напомнить фрагмент из цикла М. Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» (прозаик в 1874–1875 гг. жил на той же 4-й Рождественской, в д. 5): «На Песках, в четвертой улице! Хорошо там у нас — тихо»; «Деревянный одноэтажный домик (<...> снаружи казался очень приличным и поместительным. Приветливо глядел он своими светлыми семью окнами и трехконным мезонином на улицу, словно приглашая взойти на чисто выметенное крыльцо и дернуть за ручку звонка. Сбоку, у крыльца, находились запертые ворота с неизбежною калиткою, поверх ворот виднелось пять-шесть деревьев, свидетельствовавших, что в глубине двора существует какая-то садовая затея» [Салтыков-Щедрин, с. 43, 44–45].

час ул. Рубинштейна). Этот эпизод отражен в одном из набросков к роману «Подруги».

В годы дипломатической службы основной источник информации о петербургской жизни для Леонтьева — это письма Марьи Владимировны. В 1864 г. она, например, рассказывала, как мимо ее дома везли на гражданскую казнь Н. Г. Чернышевского²¹.

В 1871 г. Леонтьев пережил религиозное обращение, год провел на Афоне, вышел в отставку и в начале лета 1874 г. вернулся в Россию. В Петербурге после этого он побывает далеко не сразу.

В середине 1870-х гг. Петербург — город, где после многолетнего перерыва в газетах появляются первые отклики на художественные произведения Леонтьева. Правда, это только газеты «своего», консервативного лагеря — «Русский мир», «Гражданин», «Journal de St.-Petersburg». «Голос» Краевского если поминает повести бывшего автора «Отечественных записок», то в основном чтобы покритиковать за длинноты.

В 1877 и 1878 гг. Леонтьев приезжает в Петербург для устройства дел и литературных, и житейских. О первой поездке рассказано в письме к другу-дипломату К. А. Губастову от 15 января 1877 г.: «Был с неделю по делам в Петербур(ге), почитал немножко архивы Ионина²²; виделся со многими, был *всеми* принят превосходно... Но не стал ничего просить на этот *роковой* год и *успокоился в Боге*» [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 58–59]. Виделся он с дипломатами (бароном А. Г. Жомини, графом Д. А. Капнистом, А. А. Мельниковым), государственными и общественными деятелями (Т. И. Филипповым, Р. А. Фадеевым, П. И. Саломоном), писателями и литературными критиками (Вс. С. Соловьевым, Ф. Н. Бергом, В. Г. Авсеенко), с историком К. Н. Бестужевым-Рюминым, бывал в салоне графини С. А. Толстой.

Несколько раз, и всегда тщетно, Леонтьев пытается вернуться на дипломатическую службу. Ведь как только Горчаков узнал, что тот находится на Афоне, сказал о нем: «Нам монахи не нужны» (см.: [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 270]). «Поездка в Петербург (речь идет о поездке 1878 г. — О. Ф.) разрешается жестокой болезнью и долгами новыми. — Игнатъев хочет устроить меня Губернатором в Болгарии, *но через два дня* после свидания со мною, *его отправляет* Государь в Вену, и неудача его переговоров *отстраняет*

²¹ См.: [Леонтьев, т. 5, с. 823].

²² А. С. Ионин был предшественником Леонтьева по консульству в Янине. Поработать с его донесениями нужно было для продолжения романа-эпопеи «Одиссей Полихрониадес», действие которого происходит именно в этом городе. Ионин (вместе с самим автором) стал одним из прототипов героя романа, русского консула Благова.

тотчас же от дел именно того человека, который знал меня ближе, ценил меня лучше, пожалел меня больше других!..» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 248].

Эта поездка была примечательной. В феврале 1878 г. Леонтьев остановился у Губастова в меблированных комнатах на Большой Морской, в доме Лауферта (д. 27)²³. Затем сам снял там номер. В письме к драматургу Н. Я. Соловьеву от апреля 1878 г. сообщается: «Адрес мой в Петербурге вот какой. — *На Большой Морской; около Гороховой; дом Лауферта* (на подъезде вывеска *Стелловского* музык(альный) магазин). — На самый верх, по парадной лестнице; кварт(ира) № 5-ть — Номера г-жи *Шомон*» [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 209]. Бывал он тогда у Т. И. Филиппова, у Н. П. Игнатьева, у Ф. Н. Берга, у Вс. С. Соловьева²⁴. В «Hôtel Napoléon» на Исаакиевской площади он пришел навестить Вл. С. Соловьева, с которым только что познакомился, а тот по рассеянности забыл о назначенной встрече [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 154–155]²⁵. Но почти все вечера Леонтьев проводил в доме, где с ним случилось «последнее безумие» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 34], — в доме Карцовых²⁶, который в переписке с Губастовым упоминался под «кодовым названием» «Полистан». Вместе с Ольгой Сергеевной Карцовой²⁷ он посетил однажды Эрмитаж [Летопись, с. 591]. 14 февраля он писал племяннице: «В Петербурге оттепель, тиф, дифтерит, ужасная смертность, а я все это время редкий день ложился раньше 3-х часов ночи и вставал все в 8; и при этом так бодр и лицом свеж, что удивляюсь» [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 160]. Закончилось пребывание в столице поездкой в Любань, где заболевший Леонтьев застрял надолго и на обратном пути даже не стал заезжать в Петербург.

²³ Каменный дом на этом месте был построен в середине 1740-х гг. для золотощвея Демута. В 1750–1760-х гг. зданием владел О. И. Шталмеер, выполнявший разные работы при строительстве Зимнего дворца. Дом был трехэтажный, с воротами слева. В 1780-х гг. его купил генерал-аншеф Ф. И. Глебов. На рубеже веков дом приобрел архитектор В. Бренна. Здесь разместилась его коллекция скульптуры античных времен и Возрождения (например, «Скорчившийся мальчик» Микеланджело) и картин (Тициан, Рембранд). В 1810–1820-х гг. владельцем дома был граф С. К. Вязмитинов, генерал от инфантерии, петербургский генерал-губернатор. Затем дом принадлежал И. К. Лауферту и его наследникам. В 1838 г. здесь жил князь П. А. Вяземский. Тогда же дом был надстроен на один этаж. Последняя перестройка дома производилась в 1910 г., когда он был приобретен И. Б. Лидваль, матерью известного зодчего. Подробнее об истории дома Лауферта см.: [Бройтман, Краснова, с. 256–260].

²⁴ Как удалось установить, Леонтьев бывал у Вс. Соловьева в его новой квартире в д. 57 на Офицерской улице, в том самом доме, где пройдут последние годы жизни А. А. Блока. См. об этом: [Фетисенко 2007].

²⁵ Леонтьев уже бывал здесь в 1863 г., в номере, где остановился готовившийся к отъезду в Битлию М. А. Хитрово [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 402].

²⁶ См.: [Карцов]. Жили Карцовы на Миллионной, в д. 32.

²⁷ О взаимоотношениях с ней Леонтьева см.: [Букреева, Фетисенко 2021].

Он вновь окажется в столице в конце декабря 1879 г., следуя в Варшаву, где ему предложили стать помощником редактора «Варшавского дневника». В это время, не ранее 28 декабря, состоялась его последняя, по-видимому, встреча с Достоевским [Летопись, с. 653]. В конце апреля 1880 г. Леонтьев приедет в столицу, пытаясь найти поддержку газете, давшей ему приют. Влиятельный К. П. Победоносцев встретит его ласково, но ничем не поможет.

Тайной окутана поездка Леонтьева в Петербург вскоре после царевубийства²⁸; как удалось установить, состоялась она в конце апреля — начале мая 1881 г. Вероятно, Леонтьев понял, что произойдет поворот правительственного курса, и рассчитывал на быструю поддержку прошлогоднего, совместного с Филипповым, замысла о «большой консервативной газете».

Как когда-то Азиатский департамент, теперь, с декабря 1880 г., Главное управление по делам печати²⁹ руководит служебной деятельностью Леонтьева, на этот раз цензора. Кто мог предположить в 1851 г., что в салоне графини Е. В. Салиас де Турнемир встречаются будущий начальник этого управления (Е. М. Феоктистов) и во сто крат более его даровитый Леонтьев, которому будет уготована скромная роль рядового цензора, вынужденного читать всё вплоть до народных календарей и медицинских брошюрок, которые ему поручали как бывшему лекарю.

В Петербурге в 1886–1887 гг. будет решаться дело о его пенсии — за службу в Московском цензурном комитете. В связи с этими хлопотами Леонтьев приезжал в столицу в октябре 1886 г. Здесь 3 февраля 1887 г. его двухтомный сборник «Восток, Россия и Славянство» (1885–1886) будет поднесен государю с закладками, вложенными петербургским благодетелем Леонтьева, Филипповым, — чтобы заранее отметить требующие царского внимания места³⁰. В 1887 г. всерьез обсуждается вопрос о переезде Леонтьева в Петербург для работы в «Гражданине», превращающемся в ежедневное издание. Но условия, поставленные Леонтьевым с благословения старца Амвросия Оптинского, оказались неприемлемыми для князя В. П. Мещерского, благодаря чему жизнь цензора, вышедшего в отставку, сложилась иначе — он стал оптинским «отшельником»³¹ и просто одним из постоянных авторов «Гражданина».

²⁸ «Поездка на 10 дней в Петербург» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 34]. Время устанавливается по переписке с Филипповым.

²⁹ Учреждение размещалось в доме княгини Е. М. Волконской (наб. Фонтанки, д. 57).

³⁰ См. письмо Филиппова об этом: [Пророки Византизма, с. 399–400].

³¹ Окончательно поселился в Оптиной пустыни, где и раньше живал месяцами, и создал цикл статей под названием «Записки отшельника».

Как видим, Петербург чаще всего появляется в жизни Леонтьева в поворотные для его судьбы моменты. Говоря о его неоднозначных «взаимоотношениях» со столицей, нельзя хотя бы бегло не коснуться темы «Образ Петербурга в творчестве Леонтьева». Уже упоминались петербургские детали в «Подлипках» и резкое суждение о столице в романе «В своем краю». Кстати, оно еще усилено репликой Лихачова, предводителя дворянства: «...он натяжка, а не столица: ни национальности, ни климата, ни настоящей красоты...» [Леонтьев, т. 2, с. 268]. Если обратиться к циклу «восточных повестей» (1867–1877)³² и роману «Одиссей Полихрониадес» (1872–1878), то и там мы найдем приметы города — это будут торжественные образы имперской столицы (Исаакиевский собор, парад на Марсовом поле и — как знак вероисповедного единства — недавно построенная Греческая церковь). В сознании греков, героев «восточных» произведений Леонтьева, постоянно присутствует город, где живет Белый царь и «дядя Горчаков», способные защитить «христиан Турции» от их угнетателей³³.

В романе «Две избранницы» (1872–1885) большую роль в организации художественного пространства играют сады (Таврический, Летний, Михайловский) и набережные (Невы и Фонтанки). Набережную и зимний закат на Неве вспоминает и Соня в романе «Подруги» (1889–1890). Видимо, это были любимые места и самого Леонтьева. С уверенностью это можно сказать о Таврическом саде.

«Уже желтел осенний лист в Таврическом саду, когда Матвеев зашел около полудня в эту сторону. Долго гулял он один; день был свеж и ясен; в близких казармах звучал военный рожок; на лугу играли чьи-то дети. (...) Он с удовольствием любовался на незнакомых детей; задумчиво рвал ветки мимоходом; задумчиво и долго глядел в окна старинного дворца, вспоминая великого Потемкина и великую Царицу...» [Леонтьев, т. 5, с. 63].

Возле Таврического сада находится «скромное жилище Киселевых» [Там же, с. 71]. В Летнем саду и на набережной Матвеев встречается со своей «милой и полной москвичкой» [Там же, с. 74, 76]. Во второй части романа в Летнем саду происходит «первое объяснение» главного героя с Соней. Между прочим, в Таврическом саду любила гулять и М. В. Леонтьева. В одном из писем к дяде она описывает свое знакомство со студентом, который принял ее за нигилистку:

³² В 1876 г. большая часть из них вышла в трех томах под названием «Из жизни христиан в Турции».

³³ См. подробнее: [Фетисенко 2020b].

«Часа полтора мы сидели и читали; наконец разговорились и об литературе и об эстетике; он должно быть по моим стриженным волосам заключил, что я что-нибудь в роде нигилистки, потому что прямо стал говорить о серьезных предметах и очень удивился, что я не читала „Что делать?“»³⁴.

Здесь же, в Таврическом саду, перед отъездом на Крит Леонтьев прогуливался с Софьей Майковой. В письме М. В. Леонтьевой от 28 мая 1864 г. говорится о встрече девушек в Таврическом саду и о грусти Софьи.

«Я рассказывала ей об вас (...) Она мне сказала, что прошедший год часто гуляла с вами в саду; я ей сказала, что я знаю об этом. — Я не знаю, говорили ли вы ей, что я знаю про ее к вам отношение, и она тоже не знает, говорили ли вы мне об этом. Поэтому иногда бывает очень неловко; она вдруг спросит: „что вам говорил дядя про меня?“ а я и не знаю, что ответить. Какая она должно быть кроткая душа!» [Летопись, с. 221].

Но «в Таврическом саду, — рассуждала Марья Владимировна, — запастись здоровьем нельзя»; «...как представишь, что всю жизнь можешь прожить в Петербурге, как тут не тосковать. И главное проживешь так, что и вспомнить нечего будет...»³⁵

Героини «Двух избранниц» и «Подруг» живут в Петербурге в самых суровых условиях. По сравнению с темной квартиркой Сониного отца в «Подругах» милым казалось и то, что Александр Блок позднее назвал «мещанским житьем»: «Вот у нас и паркет, да тусклый какой-то; а у них и просто крашенные полы, а блестят так весело (...) и канарейки поют... Даже и кошки у них играют, а у нас и кошек нет, только дикие и страшные по лестнице бегают» [Леонтьев, т. 5, с. 507–508]. Но в то же время в столице можно соприкоснуться и с другим: «...Соня в первый раз увидела и настоящие штофные обои, и настоящую бархатную мебель, и статуи мраморные, и зимний сад...» [Там же, с. 507].

В романе «Две избранницы» есть лирическая зарисовка зимнего Петербурга:

«И сама столица наша, обыкновенно столь угрюмая, в этот день веселилась вместе с ними. Новый снег блистал на Марсовом поле и Неве; на деревьях Летнего сада и Михайловского нежной дымкой стоял иней... На западе горел багрянец вечерней зари. Зажигались повсюду тысячи огней; у Цепного моста, теснясь, обгоняли друг друга сани, пешеходы и кареты» [Там же, с. 145].

Быть может, Леонтьеву запомнился зимний вечер, похожий на описанный. Не случайно он возвращается к этой картинке и в «Подругах», в одной редакции просто упоминая о прогулках на санях по набережной [Там же,

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1032. Л. 34; частично цитируется: [Леонтьев, т. 5, с. 822].

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1032. Л. 2–2 об.

с. 490], а в другой — используя этот мотив более развернуто. Соня Львова вспоминает неоконченное стихотворение, написанное ее возлюбленным, кузеном Александром Матвеевым:³⁶

«Когда-то, помнишь ты, заря уж занималась,
Огней столичных тьма сквозь сумрак загоралась...
С тобой я был тогда, с тобою, ангел мой...»

Это было четыре года тому назад; тоже зимой в Петерб(урге); — когда они с Алек(сандром) были так безумно влюблены друг в друга. — Они ехали под вечер, прекрасным зимним днем, по набережной Невы; встречных было очень мало. — И заря в самом деле розовая, огромная, прекр(асная) была в стороне моря — и фонари зажглись... А все еще было видно... и сумерки были прелестны...» [Там же, с. 566].
Что еще, кроме ясных зимних вечеров и прекрасных садов, любил Леонтьев в Петербурге? То, что напоминало о *византизме* и о национальном *своеобразии* (использую термины его историсофской публицистики). Этих памятников в нашем городе теперь нет — ни Греческой церкви, ни часовни во имя Христа Спасителя, построенной у Гостиного двора А. М. Горностаевым. В романе «В своем краю» говорится о ней: «...нам нужны теплые краски, как у той милой часовни, которую поставили на Невском...» [Леонтьев, т. 2, с. 157]³⁷.

Не любил же он, как легко догадаться, петербургский климат и приметы скученности жизни в современном большом городе.

«Один раз поехал он (Матвеев) послушать Лукку. Вечер был дождливый; грязные наемные кареты и дрожки не могли ехать скоро от стечения народа; Матвеев видел толпу бледных, худых столичных лиц; поднятые воротники коротких пальто; на плечах и на ногах глупые пледы, которые внушали ему столько отвращения своим женоподобным безобразием; грязь и газ фонарей, колеблемый холодным ветром; вдали из темной груды тесных зданий глядели ему как будто прямо в душу вонючие дворы и черные лестницы, по которым столько из бедных меломанов вернутся в свои квартиры³⁸, где ждет их проза столичных лишений и семейные дразги» [Леонтьев, т. 5, с. 73–74].

В публицистике Леонтьева Петербург упоминается довольно часто — как столица, «центр высшей администрации» [Леонтьев, т. 8, кн. 1, с. 13] и одновременно центр революционных разрушительных сил, в том числе и действующих легально. Среди множества его политических пророчеств есть

³⁶ Как видим, использованы те же имена, что и в «Двух избранницах».

³⁷ Ср.: «...милая, теплая, пестрая часовня, построенная на Невском проспекте» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 136].

³⁸ Ср. в том же произведении: «Иногда я ужасно даже жалел их и спрашивал себя: как, должно быть, им иногда стыдно век свой жить на этих петербургских лестницах?» [Леонтьев, т. 5, с. 131].

и пророчество о Петербурге: «...Москва всегда будет Москвою, а Петербург, несмотря на всю его искусственно созданную силу, не избегнет глубокого упадка при неизбежном, почти невольном тяготении нашей истории на Юг и Юго-Восток» [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 41] — передовая «Варшавского дневника» от 26 января 1880 г.³⁹

Нужно поставить еще один вопрос: а сам Леонтьев для Петербурга что-нибудь значил или нет? При жизни — нет. Газета «Новое время» обычно начинала заметки с упоминанием о нем словами: «Некто Леонтьев...». В начале XX в. Леонтьева открывают и пишут о нем Д. С. Мережковский, П. П. Перцов, Н. О. Лернер, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков. С 1893 г. в Петербурге жил Розанов — последний (эпистолярный) друг Леонтьева, и на его «воскресеньях» на Шпалерной, конечно, имя Константина Николаевича, монаха Климента, звучало не реже, чем в статьях Василия Васильевича. Одним из привлеченных Розановым адептов Леонтьева стал А. М. Коноплянцев. В 1908 г. Губастовым был создан кружок памяти Леонтьева, выпустивший к 20-летию со дня его кончины сборник статей и мемуаров о нем [Памяти Леонтьева]. Коноплянцев написал для этой книги первую биографию философа. Но сколько ни рассуждали кружковцы о необходимости издать собрание сочинений Леонтьева, осуществил это в одиночку в Москве его ученик протоиерей Иосиф Фудель. Довести дело до конца помешали обстоятельства военного времени (1914).

25 лет назад безумием называли наш проект — издавать академическое собрание сочинений Леонтьева в Петербурге, при том, что все его, за редчайшими исключениями, архивные материалы находятся в Москве. Однако издание было благополучно завершено в год двойного юбилея Леонтьева (2021), позволив наконец преодолеть *fatum*, тяготевший над литературной судьбой Константина Николаевича, все же больше связанной с Москвой — М. Н. Катковым и «Русским вестником», хоть и началась его «литературная судьба» (и, значит, тот самый *fatum*, на который он так часто жаловался) в Петербурге — с неудач со здешним цензурным комитетом, запретившим его первые произведения.

Литература

- Александров — Александров А. [А.] Письма К. Н. Леонтьеву. Стихотворения. Статьи. Воспоминания. Материалы к истории журнала «Русское обозрение» / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2024. 816 с. (Прил. к Полн. собр. соч. и писем К. Н. Леонтьева; Кн. 5).

³⁹ См. также: [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 187; т. 8, кн. 1, с. 89, 232–233].

- Антонов, Кобак — Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия: В 3 т. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. Т. 1. 288 с.
- Архив Леонтьева — Константин Леонтьев: Семейный архив: Документальные повести, воспоминания и дневниковые записи Ф. П. Леонтьевой. Письма / Изд. подгот. Е. М. Варенцова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. 649 с. (Архив К. Н. Леонтьева; Кн. I).
- Берговская — Берговская И. Н. Кудиново в жизни К. Н. Леонтьева // История филологии. 2000. № 6. С. 198–208.
- Бройтман, Краснова — Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская улица. М.: Центрполиграф; СПб: МиМ-Дельта, 2005. 416 с.
- Букреева, Фетисенко 2020 — Букреева Е. М., Фетисенко О. Л. Портреты К. Н. Леонтьева в собрании Государственного исторического музея // Словесность и история. 2020. № 3. С. 78–90.
- Букреева, Фетисенко 2021 — Букреева Е. М., Фетисенко О. Л. Ольга Карцова в «хронологии жизни» Константина Леонтьева // Край Смоленский. 2021. № 4. С. 3–9.
- Буряченко — Буряченко В. В. Мир дворянской усадьбы в романе К. Н. Леонтьева «Подлипки» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2007. № 1. С. 18–25.
- Захарова — Захарова В. Г. Поэзия усадебного быта в изображении К. Леонтьева (роман «Подлипки») // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тез. докл. VII конф., 17–18 апр. 1997 г. Калуга: Гриф, 1998. С. 110–112.
- Зинченко — Зинченко Л. Н. Феномен усадебного сознания в романе К. Н. Леонтьева «Подлипки» // Культура и текст: Сб. науч. трудов. СПб.; Самара; Барнаул: [б. и.], 2001. [Вып. 4]: Славянский мир: прошлое и современность. С. 163–167.
- Карцов — Карцов Ю. С. Письма К. Н. Леонтьева к Е. С., О. С. и Ю. С. Карцовым, с вступлением // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. + 1891 г.: Лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 235–308.
- Котельников — Котельников В. А. Константин Леонтьев. СПб.: Наука, 2017. 286 с.
- Леонтьев — Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко / ИРЛИ РАН. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.
- Летопись — Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева, 1831–1891: В 2 ч. / Сост. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2022. Ч. 1: 1831–1880. 703 с. (Прил. к Полн. собр. соч. и писем К. Н. Леонтьева; Кн. 3).
- Памяти Леонтьева — Памяти Константина Николаевича Леонтьева. + 1891 г.: Лит. сб. / [Сост. К. А. Губастов и др.]. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. 425 с.
- Петров — [Петров П. Н.] Описание Греческой посольской церкви святого великомученика Димитрия Солунского в С.-Петербурге / Сост. П. Н. Петров. СПб.: Тип. Гогенфельда и К°, 1865. 32 с.
- Пророки Византизма — Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012. 728 с.
- Рейфман — Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово». Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1962. 115 с. (Учен. зап. Тартуского ун-та; Вып. 121).
- Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 12. 752 с.

- Фетисенко 2007 — *Фетисенко О. Л.* Из области таинственных совпадений (забытый обитатель дома 57 по Офицерской) // Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. СПб.: ГМИ СПб, 2007. Вып. 14: Музей-квартира А. Блока: Материалы конф. по краеведению «Коломенские чтения» (2002–2006). С. 100–102.
- Фетисенко 2020a — *Фетисенко О. Л.* Братья Константин и Владимир Леонтьевы в изданиях А. А. Краевского // История отечественной культуры в архивных документах: Сб. ст. СПб.: РНБ, 2020. Вып. 1. С. 46–57.
- Фетисенко 2020b — *Фетисенко О. Л.* «Наследники Византии» глазами друзей и недругов: (Русская государственность как сквозная тема «восточных повестей» К. Н. Леонтьева) // Два века русской классики. 2020. № 4. С. 250–259.
- Фетисенко 2022 — *Фетисенко О. Л.* Неизвестное письмо Д. И. Менделеева: находка из архива К. Н. Леонтьева // История отечественной культуры в архивных документах. СПб.: РНБ, 2022. Вып. 3. С. 208–217.
- Хатунцев — *Хатунцев С. В.* Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография: 1850–1874 гг. СПб.: Алетейя, 2007. 208 с.

References

- Aleksandrov, A. A. (2024). *Pis'ma K. N. Leont'evu. Stikhotvoreniya. Stat'i. Vospominaniya*, ed. O. L. Fetisenco. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 816 p.
- Antonov, V. V., Kobak, A. V. (1994). *Svyatyni Sankt-Peterburga. Istoriko-tserkovnaya entsiklopediya*. 3 vols. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Chernysheva. Vol. 1, 288 p.
- Bergovskaya, I. N. (2000). 'Kudinovo v zhizni K. N. Leont'eva', *Istoriya filosofii*, 6, 198–208.
- Broitman, L. I., Krasnova, E. I. (2005). *Bol'shaya Morskaya ulitsa*. Moscow: Tsentrpoligraf; Saint Petersburg: MiM-Del'ta, 416 p.
- Bukreeva, E. M., Fetisenco, O. L. (2020). 'Portrety K. N. Leont'eva v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya', *Slovesnost' i istoriya*, 3, 78–90.
- Bukreeva, E. M., Fetisenco, O. L. (2021). 'Ol'ga Kartsova v «khronologii zhizni» Konstantina Leont'eva', *Krai Smolenskii*, 4, 3–9.
- Buryachenko, V. V. (2007). 'Mir dvoryanskoi usad'by v romane K. N. Leont'eva «Podlipki»', *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 18–25.
- Fetisenco, O. L. (2007). 'Iz oblasti tainstvennykh sovpadenii (zabytyi obitatel' doma 57 po Ofiterskoi', in: *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi muzei istorii Sankt-Peterburga. Iss. 14, 100–102.
- Fetisenco, O. L. (2020). 'Brat'ya Konstantin i Vladimir Leont'evy v izdaniyakh A. A. Kraevskogo', in: *Istoriya otechestvennoi kul'tury v arkhivnykh dokumentakh*. Saint Petersburg: Rossiiskaya national'naya biblioteka. Iss. 1, 46–57.
- Fetisenco, O. L. (2020). '«Nasledniki Vizantii» glazami druzei i nedrugov (Russkaya gosudarstvennost' kak skvoznaya tema «vostochnykh povestei» K. N. Leont'eva', *Dva veka russkoi klassiki*, 4, 250–259.
- Fetisenco, O. L. (2022). 'Neizvestnoe pis'mo D. I. Mendeleeva: Nakhodka iz arkhiva K. N. Leont'eva', in: *Istoriya otechestvennoi kul'tury v arkhivnykh dokumentakh*. Saint Petersburg: Rossiiskaya national'naya biblioteka. Iss. 3, 208–217.
- Fetisenco, O. L., ed. (2012). *Proroki Vizantizma. Perepiska K. N. Leontieva i T. I. Filippova (1875–1891)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 728 p.
- Fetisenco, O. L., ed. (2022). *Letopis' zhizni i tvorchestva K. N. Leont'eva, 1831–1891*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 1. 1831–1880. 703 p.

- [Gubastov, K. A. and others, eds.] (1911). *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. † 1891. Literaturnyi sbornik*. Saint Petersburg: Tipografiya «Sirius», 425 p.
- Kartsov, Yu. S. (1911). 'Pis'ma K. N. Leont'eva k E. S., O. S. i Yu. S. Kartsovym, s vstupleniem', in: *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. † 1891. Literaturnyi sbornik*. Saint Petersburg: Tipografiya «Sirius», 235–308.
- Khatuntsev, S. V. (2007). *Konstantin Leont'ev. Intellektual'naya biografiya. 1850–1874 gody*. Saint Petersburg: Aleteiya, 208 p.
- Kotel'nikov, V. A. (2017). *Konstantin Leont'ev*. Saint Petersburg: Nauka, 286 p.
- Leont'ev, K. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. Eds. V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2000–2021.
- Petrov, P. N. (1865). *Opisanie Grecheskoi posol'skoi tserkvi svyatogo velikomuchenika Dimitriya Solunskogo v S.-Peterburge*. Saint Petersburg: Tipografiya Gogenfeld and K^o, 32 p.
- Reifman, P. S. (1962). *Demokraticeskaya gazeta «Sovremennoe slovo»*. Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet, 152 p.
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (1971). *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Moscow: Khudozestvennaya literatura. Vol. 12, 752 p.
- Varentsova, E. M., Fetisenko, O. L., eds. (2020). *Konstantin Leont'ev: Semeinyi arkhiv. Dokumental'nye povesti, vospominaniya i dnevnikovye zapisi F. P. Leont'evoi. Pis'ma*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 649 p.
- Zakharova, V. V. (1998). 'Poeziya usadebnogo byta v izobrazhenii K. Leont'eva (roman «Podlipki»)', in: *Voprosy arkheologii, istorii, kul'tury i prirody Verkhnego Pooch'ya. Tezisy dokladov VII konferentsii, 17–18 Apr. 1997*. Kaluga: Grif, 110–112.
- Zinchenko, L. N. (2001). 'Fenomen usadebnogo soznaniya v romane K. N. Leont'eva «Podlipki»', in: *Kul'tura i tekst. Sbornik nauchnykh trudov*. Saint Petersburg; Samara; Barnaul: [s. n.]. [Iss. 4]: Slavyanskii mir: proshloe i sovremennost', 163–167.